

УДК 821.161.1

ДВОРЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА

Никольский Е.В.

В статье рассмотрены взгляды исторического романиста Всеволода Соловьёва (1849-1903), сына известного историка Сергея Соловьёва, о русской аристократии, её месте в русском обществе и культуре. Воззрения романиста сопоставляются с взглядами на аристократию Константина Леонтьева и Николая Бердяева. Проанализировано публицистическое и художественное наследие писателя.

Ключевые слова: аристократия, монархизм, благородство, историческая проза, семейная хроника, адаптация к новым условиям.

ISSUE OF THE NOBILITY IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S PROSE AND JOURNALISM

Nikolsky E.V.

The article considers the views on Russian aristocracy, its place in Russian society and culture formulated by the historical novelist Vsevolod Solovyov (1849-1903), the son of the famous historian Sergei Solovyov. Views of the novelist are mapped to views on the aristocracy of Konstantin Leontiev and Nikolai Berdyaev. Author analyses journalistic and literary heritage of the writer.

Keywords: aristocracy, monarchism, nobleness, historical prose, the chronic of noble family, adaptation to the new conditions.

Всеволод Сергеевич Соловьёв родился в Москве 1 января 1849 года и был старшим ребенком в семье русского историка Сергея Михайловича Соловьёва, чью многотомную «Историю России с древнейших времен» и другие сочинения до сих пор с увлечением читают любители истории, внимательно изучают исследователи.

В 1888 году вместе с П.П. Гнедичем Вс. Соловьев основал иллюстрированный журнал «Север», задуманный как общедоступное, чисто русское издание, преследующее патриотические и художественные задачи. С первого же номера писатель вел с читателем свободный разговор в специальном отделе «Беседы Севера» за подписью «Изд-ль» (т.е. издатель). Под таким псевдонимом Соловьев публиковал свои рассуждения о дворянской чести, религиозных исканиях и истоках распространившегося религиозного равнодушия, о судебной реформе, критические очерки о спиритизме.

В своем кратком очерке о Всеволоде Сергеевиче Соловьеве его племянник, греко-католический священник и публицист, о. Сергей Соловьев писал, что писатель был «монархистом без рассуждения» [3, с. 19]. Однако данное весьма краткое высказывание дает лишь самую общую характеристику взглядам писателя. В 1883 году в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание на царство Александра Третьего. Вс. Соловьев не присутствовал на коронации, но всей душой отозвался на это событие, что подвигло его в том же году издать небольшую брошюру «Москва 15 мая 1883 года» (с подзаголовком «Обращение к детям»), в которой он искренне и открыто высказал свои монархические воззрения.

Отметим, что большой оригинальности в ней, автор не достиг: содержание этой книжки сводилось к повтору обыкновенных для самодержавной России сентенций о верности и преданности своему монарху и несколько назидательных (с точки зрения XIX века) увещеваний о долге и обязанностях перед царем и его империей. Нам трудно упрекать его в какой-либо конъюнктурности, ибо он искренно, и открыто изложил то, о чем думал и что чувствовал. Вс. Соловьев в частности писал: «Народ служит Царю, а Царь служит народу, и царское служение – самое великое, самое многотрудное, какое только может выпасть на долю человека. Вся жизнь монарха – должна быть постоянной, не ослабевающей заботой о добре и пользе для народа, для подданных, на которых Царь смотрит как на родных своих детей. И эти десятки

миллионов русских людей должны находить у Царя неизменную правду, любовь и милость» [4, с. 8].

Всеволод Сергеевич Соловьев в деталях пересказал все эпизоды венчания на царство, стремясь пробудить у своих читателей глубокое чувство любви и благословения перед своим монархом. Обращаясь к «детям», романист писал: «Вы должны хорошо подумать о своих обязанностях к царю и народу... Вы должны молиться, как молился наш Царь, о том, чтобы Бог помог вам неустанно работать на общую пользу» [4, с. 9].

Понятие «монархия», «самодержавие», «император» были священны для Всеволода Соловьева; для него все это было не просто модой, желанием сделать придворную карьеру, а искренним чувством благоговения, которое испытывает благородный дворянин перед своим сюзереном. Как писал о. Сергей Соловьёв: «Всеволод Сергеевич воспринимал русское Православие в его восточной стихии, с «царем-батюшкой», с полной пассивностью, смирением, сознанием коренной порчи человеческой природы, бессилия личности перед судьбой и надеждой на милосердие Божие» [3, с. 23].

Монархические взгляды писателя обусловили тематические предпочтения в его творчестве. Ряд его исторических произведений содержит наименование «царский»: «Жених царевны», «Царское посольство», «Царь-девица», «Юный император». Перу Всеволода Соловьева принадлежат 14 романов, в которых он описал как политические деяния, так и личную жизнь представителей династии Романовых, а также их сподвижников и фаворитов.

Монархия сама по себе существовать не может, ей нужна поддержка знати. В своей известной работе «Философия неравенства» Н.А. Бердяев писал, что чистая монархия является абстракцией, и конкретно монархия осуществляет себя через аристократию. А ценность монархии заключается прежде всего, в том, чтобы подобрать руководящую аристократию и укрепить ее. Эта социологическая аксиома для писателя не являлась простым постулатом отвлеченной философии. По его мнению: «... в монархическом государстве дворянство необходимо как машине – маховое колесо, часам – маятник,

кораблю – руль; эта та сохраняющая сила, которая регулирует действие разнообразных элементов государства и направляет их на один общий плавный ход; сила, которая сдерживает все слишком резкие стремления случайных двигателей в ту или иную сторону, в ней именно залог правильного развития государства, его устойчивости и мощи [1, с. 835].

В одной из статей, сохранившихся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Константин Леонтьев, размышляя о сущности и назначении высшего сословия как такового, писал: «Аристократию родовую считают ныне обыкновенно каким-то болезненным, временным или ненормальным продуктом, или, по крайней мере, праздным украшением жизни,... но все это – эгалитарные верования при ближайшем наблюдении оказывается, что именно те государства были плодотворнее и могущественнее других, в которых, при монархических наклонностях, сверх того и аристократия родовая держалась упорнее. Рим патрициев и оптиматов прожил дольше купеческого Карфагена и больше сделал для человечества. Древний Ирак возобновили после полнейшего разгрома феодальные парфяне и благодаря их влиянию жила великая империя Сосанидов, цивилизация которой повлияла на Византию, а через ее посредство и на Европу и на нас» [2]. Ощущая кризис пореформенной России, философ размышлял над возможными путями и способами их преодоления, один из которых он видел в том, чтобы «найти средства утвердить хоть несколько дворянство как дворянство, что означает сколь-нибудь укрепить подвижность нашего строя и приостановить быстроту экономического брожения» [2].

Подобные же суждения были характерны и для Всеволода Соловьева.

Романист в одной из своих статей, опубликованных в его собственном журнале «Север», выделял причины девальвации аристократии в России. Преобразования Александра Второго, по его мнению, носили половинчатый характер и подорвали материальную базу высшего сословия Российской империи. И, хотя реформы Царя-освободителя были необходимы и неизбежны, и сами по себе не могли убить политического значения русского дворянства,

упрекнуть их можно лишь за то, что выполнены они были «нецелесообразно и непрактично, причинив вред экономическому состоянию, как помещика, так и крестьянина» [5, с. 837].

Следствием такого положения, стало то, что новое поколение дворян начало скептически относиться к своему сословию. Знать, разорившаяся вследствие реформ, и не подготовленная к тому, чтобы продолжать труд землевладельца, «... кинулась искать счастье по разным профессиям, теряя связь с землей и своим сословием» [5, с. 837]. Однако и на новых поприщах аристократии не сопутствовала удача, т.к. на их пути встретились конкуренты, то есть те, кого называли в художественной литературе «новыми людьми», образовавшимися из разночинцев и иностранцев, «налетевших на пореформенную Россию» [5, с. 837]. Пробираясь вверх по ступеням социальной лестницы, согласно петровской «Табели о рангах» представители данной «прослойки» получили сначала личное, а затем потомственное дворянство. Таким образом, русская аристократия, возрастая численно, теряла качественно.

Изменения в социальном и нравственном состоянии дворянства, произошедшие за период с 1860 года по 1889 год (время написания этой статьи) вызывали беспокойство писателя. Согласно его взглядам, после Великих реформ Александра Второго сословные принципы русской знати расшатались, утратился корпоративный дух, чувства долга, чести и порядочности. Дворянство как высшее сословие становилось некой фикцией, что, по мнению романиста, способствовало дезорганизации социально-политического устройства империи. Развивая тему, Вс. Соловьев писал: «Разве не благодаря этому забрались в государство разные тайные силы, которые, будучи ничем не регулированные, ... начали было расшатывать государственный организм?» [5, с. 837].

Беллетриста огорчали появившиеся в русской периодической печати статьи и заметки, авторы которых утверждали, что дни русского дворянства сочтены, и что у этой социальной группы нет ничего, кроме великого и блистательного прошлого, и что аристократия потеряла всякое значение для

России. Возражая своим оппонентам, Всеволод Соловьев писал, что именно в дворянстве содержится «залог правильного развития государства, его устойчивости и мощи» [5, с. 835]. Одной из причин оскудения русской знати, по мнению автора, было то, что сами дворяне способствовали своему падению. Если бы крепче были привиты сословные традиции долга и чести, «знать не дошла бы до такого жалкого состояния» [5, с. 884].

Вызывало сожаление писателя и то, что представители аристократии слишком быстро и легко отреклись от того, что им было завещано предками, и начали на словах и в поступках позорить свое сословие. Перестало быть выгодно оставаться дворянином, и интересы корпорации, все то, что называется «noblesse oblige», знатные люди «с легким сердцем стали приносить в жертву личным выгодам и эгоистическим расчетам» [5, с. 884].

Один из путей выхода из кризиса высшего сословия Вс. Соловьев видел в том, чтобы сформировать у нового поколения четкие принципы поведения, основанного на высокоразвитом чувстве долга и сословной чести. «... Только одно воспитание... (созидательное и строго продуманное)... в понятиях о нравственных обязанностях, сопряженных с почетным званием дворянина, – может создать истинных дворян, крепких и лучших слуг отечества, царя... и истинных и верных детей Христовой Церкви» [5, с. 886].

Другим способом упрочнения положения дворянства в Российской империи писатель считал упрочнение экономической базы высшего сословия, в том числе, возвращение в свои родовые вотчины – к земле, с целью развития и реформирования сельского хозяйства. Вс. Соловьев считал, что соединение буржуазного начала и вековых традиций дворянской культуры, образованности и чести может улучшить положение не только аристократии, но и всего общества в целом. По мнению писателя, подлинным дворянином является только тот человек, который «это высокое звание» постоянно подтверждает своими благими делами и достойными поступками, и удовлетворяет тому высшему нравственному цензу, заключающемуся в истинном душевном

благородстве, неподкупной честности и «прямом строгом сознании своих обязанностей перед людьми и Богом» [5, с. 886].

Одним из примеров благородства русской знати он видел в прошлом старомосковского и древнероссийского боярства, которое, в отличие от западноевропейской аристократии и польской шляхты, не заключало никаких пактов со своими царями и великими князьями. Чувства русского дворянина по отношению к монарху может быть «...понятно только русскому человеку, так как русские дворяне сочли бы кощунством вступать в какие-то ни было договорные отношения со своими государями» [5, с. 835].

Приведенные примеры из статей Всеволода Соловьева показывают его глубокую заинтересованность в судьбе дворянского сословия, принадлежность к которому писатель высоко ценил. Именно этой причиной, пожалуй, можно объяснить появление в его творчестве романа-пенталогии «Хроника четырех поколений» (1881-87), посвященного осмыслению истории русской знати на всем протяжении XIX-го столетия.

Жизненный путь четырех поколений героев «Хроники...» отражает сложное состояние дворянского сословия от эпохи Екатерины Великой до эпохи Александра Третьего. Это путь сохранения идеалов старинной дворянской чести и адаптации к новым условиям жизни. В пятой части романа содержится красочное лирическое отступление писателя, размышляющего о судьбе семьи Горбатовых и всей русской аристократии. «...Дворянин Горбатов, сильный и могущественный своими наследственными правами, своей властью исчез навеки, но должны создавать себя не в силу каких-нибудь прав, а своей собственной неустанной работой, согласно с новыми условиями жизни. На новых основаниях должны созревать их значение и величие; и если созревают, то уж ничто не пошатнет их... Старое широко ветвистое дерево рухнуло, но еще вопрос – сохранились ли его корни, и надо доказать, что корни живы, надо доказать, что из этих живых корней могут пойти новые и роскошные побеги...» [6, с. 306].

В книге «Философия неравенства» Н.А. Бердяев доказывал, что нельзя отвлекать человека от «... его предков, от его наследственных традиций и навыков, от его воспитания, от столетий и тысячелетий, живущих в его крови, в клетках его органического существа, от всех органических связей человека...» [1, с. 590].

В своих отступлениях Вс. Соловьев рассмотрел сразу несколько аспектов проблемы, которая волновала его на протяжении все его творческой деятельности. Это, во-первых, его суждения о сущности и назначении русского дворянства, во-вторых, размышления о его истоках, перспективах и дальнейшей судьбе. Отдельные мысли романиста созвучны некоторым идеям Н.А. Бердяева, выраженные в книге «Философия неравенства». В главе, названной им «Об аристократии», он писал, что подлинная знать «...по идее своей жертвенна. Но она может изменить своей идее. Тогда она слишком цепляется за свои внешние преимущества и падает... И на известных ступенях исторического развития, аристократия должна отказаться от некоторых прав, чтобы продолжать играть творческую роль в истории...» [1, с. 589].

Всеволода Соловьева мучил вопрос, насколько жив дух благородства в современных ему дворянах. В последнем романе пентологии он показал различные способы поведения в новых социальных условиях. Его герои испытывают противоречивые чувства: от безразличного неприятия жизни и сословию чванства (Софи Горбатова), до культурной интеграции с буржуазией (семья Бородиных) до стремления сохранить благородство и традиции дворянской культуры и не отставать от своего времени (Владимир Горбатов – младший и его семья). Только третий путь писатель считал наиболее приемлемым и благородным (жертвенно-аристократическим – в терминологии Н. А. Бердяев).

Именно с этим Владимиром Горбатовым-младшим связаны наиболее светлые страницы пятого тома пентологии, повествующие о возрождении семьи Горбатовых в пореформенное время. Возвращение Горбатовых к земле, к истокам трактуется писателем как обретение дворянской семьей

восстановление того позитивного начала, что было утрачено за годы духовного оскудения, того, что корни рода (со всего сословия) в целом живы и появляются новые возможности для служения родине и народу.

В этой связи, рассмотрим еще одно соловьевское отступление: «Земля, брошенная с пренебрежением или с отчаянием разоренным сословием, она одна только может собрать и снова собрать, сплотить это упавшее сословие, превратить его из чего-то жалкого, забитого, униженного, как бы даже незаконного – в гордую и живую силу» [6, с. 306]. Именно связь с землей, способствует возрождению, как отдельной семьи, так и всего сословия в целом.

Однако, в связи с перспективой дальнейших судеб дворянства для Вс. Соловьева закономерно вставал вопрос об истоках, то есть корнях, о том духовно-историческом и нравственном потенциале, благодаря которому русская аристократия играла важную роль в истории России и сохранение которого было залогом благополучия империи.

Исходя из публицистических работ и фрагментов романа-пентологии Всеволода Соловьева, мы можем предположить, что в некоторых аспектах его взгляды жизни положением Н.А. Бердяева. Применительно же к хронике семьи Горбатовых, стоит специально отметить, что роман завершается оптимистично, ибо это было обусловлено верой писателя в позитивное будущее своей страны и своего сословия.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2001.
2. Леонтьев К.Н. Об аристократии // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 3291. Лл. 96-98.
3. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. М., 1997.
4. Соловьев Вс. С. Москва 15 мая 1883 года. СПб., 1883.
5. Соловьев Вс. С. Заметки издателя // Север. СПб., 1899.
6. Соловьев Вс. С. Последние Горбатовы. М., 1994.

Сведения об авторе:

Никольский Евгений Владимирович – доктор филологических наук, Ученый секретарь Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Nikolsky Evgeny Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Scientific Secretary of Scientific expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru.